

Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании президиума Российской академии образования

11 ноября 2009 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил на заседании президиума Российской академии образования.

Уважаемый Николай Дмитриевич, все высокое собрание!

Я хотел бы сердечно поблагодарить вас за возможность встретиться с президиумом Академии образования и еще раз увидеть молодых людей, пообщаться со всеми, кто пришел сегодня в эти стены.

Я хотел бы, памятуя о том, что следующий год объявлен Годом учителя, сказать, что служение учителя, подвиг учителя — это особое служение и совершенно особый подвиг.

Мне приходилось говорить о том, что мудрость — это, в том числе, способность человека усваивать опыт предыдущих поколений. Все, что мы имеем, перешло к нам от тех, кто был до нас. Однако человек, живущий в реальном мире, сфокусирован на те проблемы, которые стоят перед ним. Ему кажется, что происходящее с ним в данный момент и находится в центре

мироздания, потому что другой точки отсчета у человека и не существует, он смотрит на мир через себя. Поэтому происходящее с ним в данный момент и данное время является для него самым важным. Стало быть, для того чтобы защитить тезис, что мудрость есть способность принимать во внимание опыт других, в том числе опыт предыдущих поколений, требуется некое, пусть несложное, доказательство.

Когда мы открываем учебник, мы не отдаем себе отчета в том, что текст, который лежит перед нами, нам не принадлежит и не принадлежит даже нашему поколению. Этот текст пришел из прошлого. Даже самые современные научные теории и гипотезы, изложенные в учебнике, принадлежат прошлому. Иногда мы говорим, что сделанное тем или иным ученым — бессмертно, это классика, и эту классику изучают в институтах, университетах и школах. Мы с легкостью и доверием воспринимаем то, что предлагает нам учебник. Есть некий авторитет, некая традиция, инерция, если хотите — по чему же еще учиться, как не по книгам и учебникам?

Но нам, особенно молодым, гораздо сложнее применить тот же самый — исполненный доверия и готовности внимать, слушать, запоминать — подход к совету собственных родителей. Например, мама говорит дочери, что так поступать плохо, но у мамы не хватает аргументов: или она не может сформулировать эти аргументы, или ей просто времени не хватает. Но мать говорит от своего опыта. Она прожила жизнь или часть жизни, знает, что тот или иной поступок непременно приведет к катастрофе, разочарованию, боли, скорби. Если она сама этого не пережила, это пережили ее подруги, родственники, знакомые. Мать знает, что говорит. Но часто дочка отмахивается, а потом, общаясь со сверстниками, говорит, что «предки надоели». Мудрость — это способность усваивать опыт других. Мы усваиваем опыт других, читая учебники, но часто отказываемся усваивать опыт, когда слышим живое слово.

То, что я рассказал на примере матери и дочери, можно распространить и на школу. Педагог — это человек, который делится или должен делиться с учениками собственным опытом жизни. Я говорю это к тому, чтобы сформулировать самое важное, о чем следует сказать в отношении образования: школа есть не только место передачи знаний, это место воспитания личности. Так было всегда. Если мы отказываемся от того, что школа является механизмом, инструментом воспитания человека, то мы обрекаем общество на очень неясное существование в будущем.

Конечно, существуют и другие воспитательные системы. Это семья, которая сегодня все больше и больше разрушается и теряет воспитательную функцию. Это Церковь, которая всеми силами пытается восстановить эту воспитательную функцию и воспитательное служение в общественной жизни, — не без трудностей, как мы все хорошо знаем. Если бы семья, школа и Церковь работали сообща, если бы был высокий уровень координации действий, то на выходе, как говорят инженеры, мы имели бы совсем другой сигнал. У нас было бы совсем другое качество жизни и другое общество.

Говоря о мудрости, я хотел бы отметить, что это еще и способность правильно расставлять жизненные приоритеты. Об этом тоже хотелось бы поговорить поподробнее. От того, как мы расставляем жизненные приоритеты, зависит наше жизненное благополучие, наше счастье. Человек, избравший неправильный путь в жизни, никогда не будет чувствовать себя счастливым — всегда что-то будет ограничивать и разрушать целостность его жизни и бытия. Поэтому выбор жизненного пути — это очень важный жизненный выбор, и здесь тоже не обойтись без мудрости.

Приведу пример, о котором я недавно услышал от человека, сославшегося на публикацию в газетах. Один молодой человек выхватил у девушки в вагоне метро мобильный телефон в тот самый момент, когда поезд выходил из туннеля и подходил к платформе. Он очень умело открыл дверь вагона, хотя это сделать непросто, и выпрыгнул из него — в надежде, что окажется на платформе и убежит до того, как поезд остановится и люди выйдут из вагона. Но он промахнулся и погиб. Сколько этому преступнику нужно было усилий, чтобы совершить подобное деяние! Ведь нужна определенная стратегия, нужно обо всем подумать, нужно подготовиться и быть физически способным совершить такой поступок. За всем этим действительно стоит серьезная подготовка. Но даже если бы он убежал с этим мобильным телефоном в руках — что такое цена мобильного телефона? Разве она соответствует цене человеческой жизни? Разве цена мобильного телефона адекватна тем усилиям, которые этот молодой человек затратил, готовя себя к подобным поступкам? Конечно же, нет. Если бы эту концентрацию воли, силы, умения, знаний, внутренней энергии он направил на то, чтобы получить хорошую специальность, то он зарабатывал бы гораздо больше, чем те деньги, которые можно выручить от продажи краденых мобильных телефонов. Но почему же он не сделал этого? Почему, наверняка чувствуя в себе силы, он не пошел по такому пути? А потому, что у него не было жизненных приоритетов, не было понимания того, куда и как следует направить собственные силы. Этот пример разбившегося вора стал для меня неким символом. Это символ неудачника, но не такого неудачника, который стал им по объективным обстоятельствам (допустим, получил травму или родился инвалидом — много может быть внешних обстоятельств, которые делают человека объективно неспособным достигать цели). Однако этот молодой человек — неудачник по своей воле. Он сам расставил такие приоритеты в жизни и сам выбрал этот путь. Так не может поступить мудрый человек.

Когда мы говорим о мудрости, то нужно говорить о способности человека к системному подходу к жизни. Эта мысль меня очень занимает. Приходится много встречаться с людьми образованными, с прекрасными специалистами, которые многое знают. Общаясь с ними, часто поражаешься, как они тонко и хорошо разбираются во многих важных деталях, будь то детали технические или гуманитарные. Мне приходилось встречаться, в том числе, с историками, которые замечательно знают историю и точно скажут, какое событие в каком году произошло. Но когда начинаешь говорить с этими людьми об историческом процессе, о связи настоящего с прошлым, то вдруг ловишь себя на мысли, что

человек, прекрасно владеющий инструментарием, не способен при этом к системному мышлению. Системы нет! Есть знание частных, деталей, но нет знания общего.

Я думаю, очень многие наши беды, в том числе социальные и политические трагедии, революции, гражданские войны, неудачные реформы — это постоянное повторение одних и тех же ошибок. Удивительно, но, как принято теперь говорить, наступаем на одни и те же грабли. Хотел бы привести всем нам хорошо известный пример с реформами 1990-х годов. Совершенно очевидно, что надо было реформировать экономику и политическую систему. У здания текла крыша. И для того чтобы крышу отремонтировать, надо было снять старую крышу и поставить новую. Но почему-то решили, что для того чтобы отремонтировать крышу, надо разобрать стены; а кто-то еще призывал и фундамент взорвать. Ума хватило не взрывать фундамент, а вот стены наполовину разрушили. А разве нельзя было крышу отремонтировать, не разбирая стены? Ведь нечто подобное происходило и в прошлом. Были на памяти реформы, последовавшие за 1917 годом; наверное, были на памяти и реформы Петра I — ведь есть огромный материал для того, чтобы просто подумать, что можно делать, а чего делать нельзя.

Отсутствие системного мышления, неспособность видеть в целом — эта проблема имеет отношение не только к истории, социологии, политике, но и к философии, к философии жизни. Кстати, системный подход присутствовал во многих древних культурах. Люди пытались увидеть смысл в мироздании. Выйдите на улицу и спросите: кто, взирая на звездное небо, задумывается о смысле мироздания? Мало найдется людей, которые вообще смотрят на звездное небо, потому что так много смотрят на экран компьютера, что уже не до звездного неба. Смысл бытия уходит. Системного подхода не остается. Мир оценивается по фрагментам, формируется фрагментарное восприятие мира, а в связи с продолжающимся процессом узкой специализации человечества эта фрагментарность и воспринимается все больше и больше как кадр величиной во всю жизнь — а на самом деле это фрагмент. Нельзя не задумываться о цели и смысле бытия. Нельзя не задумываться о том, что такое гармония жизни. И вот здесь, мне кажется, важно понять следующее — не может быть никакого системного восприятия истории, никакого системного восприятия бытия, если мы не нащупаем некую скрепу, некую колонну, некую поддерживающую силу, которая и помогает ощутить и понять эту целостность.

Позвольте вам сказать, что представляется мне такой скрепой. Во-первых, зададимся вопросом: а что может ею быть? Мир так разнообразен, так разнообразны люди, культуры, религии, философские взгляды, убеждения, мода... Где же здесь найти скрепу? Где найти фундаментальную ценность, которая помогала бы человеку выстраивать систему? Такая фундаментальная ценность и такая скрепа может быть только внутри человека. Она не может быть где-то вовне. Так устроен человек — это должно быть частью его бытия, причем такой, которая была бы присуща человеческой природе, а не конкретной

человеческой личности. Ведь если нечто присуще мне, но не присуще другому человеку, то это уже не объединяющее начало, это не скрепа, не фундамент. И единственной скрепляющей силой, формирующей целостное сознание человека, целостное восприятие мира, истории, бытия, является нравственность.

Вернемся снова к истории. Даже историки, отрицающие объективность нравственного начала, дают те или иные оценки исторических событий на основании нравственного критерия. Представьте себе, как можно было бы вообще комментировать историю, если бы не существовало нравственного критерия? Мы же говорим: «эпоха страшная, жестокая», и, в первую очередь, используем нравственный критерий, причем чаще всего именно этот критерий является решающим. И когда нам говорят: «Это жестокость, это насилие, это издевательство над человеческой личностью оправдывалось достижением великих целей», то мы, в большинстве, не принимаем такой логики. На этом и основывается осуждение репрессивных режимов. Каждый такой режим использовал репрессии для достижения конкретных целей — не для личного обогащения диктатора, чаще всего не только для укрепления его личной власти, но для достижения конкретных идеологических, политических целей. Но историки в большинстве случаев говорят: «Это преступные режимы», оперируя нравственной категорией.

В том же ключе можно говорить и о мироздании. Для кого-то мир — это случайное стечение обстоятельств: случайным образом атомы кислорода и водорода соединились, под влиянием определенных физических условий возникла вода, затем появились аминокислоты, и, в конце концов, появились мы с вами. Это одно видение мира и человека, и я не вступаю сейчас в полемику с таким видением. Но я хочу лишь сказать, что не может быть по-настоящему системного подхода, если мы не будем иметь основной и решающей скрепы для формирования этого подхода, и такой скрепой является нравственность. А вот нравственность произвести от случая очень тяжело. Не хочу, чтобы мои слова воспринимались как апологетика религиозного взгляда, хотя иного я как священник, как Патриарх сказать не могу; но я хочу только отметить, что этот взгляд является очень важным для формирования целостного взгляда человека на мир, на бытие, на прошлое, настоящее и будущее.

Мне кажется, что без формирования нравственного начала в современном человеке не может существовать никакого образовательного процесса. Сегодня так развиты средства связи, средства коммуникации, что учиться можно и без учителя. Многие люди так и делают — садятся за компьютер и получают доступ практически ко всем источникам информации. Но ведь мы не ставим под сомнение необходимость учителя. Даже в наш коммуникационный век мы говорим, что нужен учитель. А зачем он нужен? В чем уникальность учителя? Само понятие «учитель» предполагает: это человек, передающий мудрость, знания, опыт предыдущих поколений.

Сегодня, как, может быть, никогда, нравственное измерение подвига учителя, служения учителя, является очевидным и категорически необходимым. Если мы

откажемся от воспитательного значения школы — я имею в виду не только среднюю, но и высшую школу — то мы очень скоро придем к выводу о ненужности педагогической деятельности. Может быть, для какого-то возраста и нужен еще педагог — когда человек еще не способен нажимать кнопки на клавиатуре компьютера — но с каждым годом этот возраст будет снижаться. Уже сейчас детишки в детском саду умеют играть в компьютерные игры, все может очень быстро развиваться, и тогда возникнет вопрос: а зачем кто-то еще? Дайте методические указания, и дальше все пойдет без всякого учителя... Но педагог нужен именно потому, что его присутствие предполагает живой контакт одного человека, носителя опыта и мудрости, с другим человеком, у которого нет этого опыта и этой мудрости. И здесь, конечно, огромную роль играет личность педагога, нравственные требования к нему самому.

Я вспоминаю свои школьные годы. Личность педагога оказывает огромное воспитательное влияние на ребенка. Мы знали, кто с душой преподает, а кто нет; кто себя отдает, а кто нет. Был у нас замечательный преподаватель математики, хороший специалист. Приходил, умно, хорошо говорил и уходил. Вот он и остался в памяти как «машина». А были люди, о которых вспоминаешь и на старости лет, которые рассказывали о литературных героях, о географии, об истории, и в этих рассказах было нравственное, очень важное, измерение. А если пример педагогов накладывался еще и на пример родителей, если то, что говорили в школе, соответствовало тому, что говорили дома, то дети воспитывались в замечательной атмосфере целостного воспитательного процесса, который формировал сознание, душу людей в совершенно конкретной системе нравственных координат.

Теперь я хотел бы сказать об этих нравственных координатах. Для того чтобы воспитывать, действительно должен быть нравственный консенсус в обществе. Его основанием служит то, что нравственное начало есть в каждом из нас, что существует отчетливое понимание того, что есть добро и зло. Но опасность переживаемого момента заключается именно в том, что это ясное, классическое понимание того, что есть добро и зло, сегодня размывается так называемым подходом цивилизации постмодерна. Мне приходилось много об этом говорить, и я, наверное, буду об этом говорить до тех пор, пока не почувствую, как что-то меняется в лучшую сторону.

Но нельзя ставить на одну доску добро и зло. Нельзя ставить на одну доску объективную истину и то, как некоторые люди эту истину интерпретируют. Мы тогда погубим самое важное, что существовало на протяжении человеческой истории — систему координат. Человек запутается, он будет смешивать добро со злом. А если границы между добром и злом стираются, то скрепа, формирующая целостный, системный подход человека к миру, разрушается, и мы становимся легкой добычей тех сил, которые будут с удовольствием манипулировать нашим сознанием во имя экономических или идеологических целей. Поэтому сегодня борьба за нравственное начало имеет совершенно конкретные точки приложения

в общественной, политической, социальной жизни, в области средств массовой информации и т.д.

Я бы хотел сказать несколько слов и на злободневную тему преподавания основ религиозной культуры и светской этики в школах. Я думаю, что дискуссия, продолжавшаяся в нашем обществе на протяжении практически пятнадцати лет, в каком-то смысле завершилась, и решения, которые принял наш президент, впитали в себя все те подходы, которые были в этой дискуссии высказаны. Но единственная, может быть, слабость этой дискуссии заключается в том, что она проходила очень конфликтно, очень конфронтационно. Наверное, иначе и быть не могло в условиях сложных реформационных процессов, которые шли в нашем обществе, в условиях социальной, экономической и политической борьбы. Во многом эта конфронтационность, конечно, мешала достижению разумного согласия между всеми, кто выражал ту или иную точку зрения. Но ведь каждая из этих точек зрения была разумной — и тех, кто отстаивал право людей изучать собственную религиозную культуру, и тех, кто предлагал изучать религиоведение, и тех, кто предлагал изучать светскую этику. Таких, кстати, было меньше всего, и вообще-то право преподавать светскую этику отстаивала Православная Церковь. Это мы первыми стали говорить о необходимости преподавать не только религиозную культуру, но и светскую этику, потому что есть семьи, и таких немало, которые в своей жизни не готовы опираться на религиозную аргументацию, и для них не может быть убедительным религиозный аргумент, в том числе в этической сфере. Понимая это, Церковь говорила о необходимости работать и с такого рода молодежью, говорила о необходимости создания учебника по светской этике.

Я думаю, что решение президента как раз объединило эти три подхода и положило в основу самый правильный принцип — принцип свободы выбора. Человек, который хочет изучать основы Православия и который именно в своей православной культуре хочет искать нравственную мотивацию собственных поступков, должен иметь такое право. Никто не вправе сказать: «Ты не должен, потому что своим выбором ты мешаешь кому-то другому». Но и тот, кто не является православным, тоже должен иметь возможность изучать основы своей собственной религиозной культуры. А кто-то вообще хочет иметь отстраненный взгляд на религиозный феномен и изучать историю религий без всякого аксиологического измерения, просто как научно-культурологический феномен. Если есть такие люди, почему же им не дать такую возможность? И, наконец, есть люди неверующие, не принадлежащие ни к одной религии, которые должны иметь возможность изучать основы светской этики. Это решение президента является очень мудрым: оно, во-первых, основано исключительно на принципе свободного выбора, что соответствует одному из важных измерений современной образовательной системы и, с другой стороны, предоставляет широкие возможности.

За более чем пятнадцать лет, что прошли с введения практики преподавания, в частности, основ православной культуры в наших школах, уже многое сделано и

во многих субъектах федерации уже сложилась достаточно продвинутая система. Важно то, что предложения президента не предполагают сокращения всей этой уже существующей системы — как в сфере преподавания основ православной культуры, так и в сфере преподавания основ исламской или иудейской культуры, которые так же, как известно, преподаются в наших школах в определенных регионах. Поэтому я полагаю, что период бурных обсуждений завершился и мы приступаем к важному этапу внедрения всех этих идей в образовательный процесс. Я очень надеюсь, что это внедрение будет честным, что в процессе внедрения не будет попыток откорректировать предложения президента в ту или иную сторону, что все будет проходить абсолютно прозрачно и ясно. Я думаю, что этот процесс должен идти под контролем общественности и должен, в конце концов, послужить консолидации нашего общества, повышению роли нравственного воспитания в наших учебных заведениях, формированию целостного мировоззрения, целостного восприятия жизни, системного подхода, о котором я сейчас только что сказал.

Я не смею вас далее задерживать, тем более что многие люди стоят. Стоять в церкви — это привычно, а вот стоять на такого рода собраниях — это контрпродуктивно. Поэтому я заканчиваю беседу и выражаю глубочайшее удовлетворение по поводу возможности встретиться сегодня со всеми вами.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Опубликовано 11.11.2009

Автор: ИА "Православное образование" Документы ОПК
(документы) Выступления Патриарха